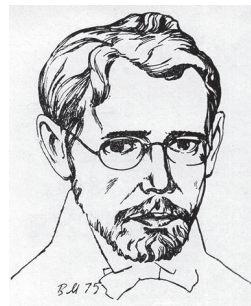


Иван

Курашов

(1839–1875)



ИСПОВЕДЬ

МОЯ МУЗА

Музе важно
 Непродажной
 Оставаться.
 Мне досталась даром –
 Как на рынке станет вдруг товаром?!
 Тихо с нею
 Петь я смею,
 Если и сфальшивим мы немного,
 Кто услышит это, кроме Бога.
 Посмеёмся над собой украдкой,
 И не пожалеем –
 Бросим в печь тетрадку –
 От огня светлее.
 Всё еще сумеем. Будет всё в порядке.
 И возьмём тональность мы
 ещё повыше,
 Обо всём напишем,
 О ханже расскажем,
 О дельцах лукавых купли и продажи,
 О жестокой знати,
 кровь для них – водица,
 О блаженных старцах,
 о сановных лицах,
 О бродягах,
 ставших по миру скитаться, –
 Голодают, мёрзнут, имена их в святцы
 После смерти, может, занесут...
 Остаться
 Музе важно
 Непродажной.

* * *

О, жизнь моя, тебе я цену
 День поднимаю каждый.
 Что спорить?! Будешь – неизменно...
 А я уйду однажды.

Не ведаешь конца и края,
 Но снова непонятно,
 Зачем спешишь, напоминая
 О смерти неотвратной?

Чем тяжелей твои невзгоды,
 Тем всё светлей тревога,
 По хлябям брёл я дни и годы,
 Цветов нарву немного.

Цветы красивые завянут,
 И я завяну с ними!
 А люди будут жить – помянут
 Моё простое имя.

О, жизнь моя, тебе я цену
 День поднимаю каждый.
 Что спорить?! Будешь – неизменно...
 А я уйду однажды.

* * *

Был готов умереть. Похудел я очень.
 Но проходит смерть безучастно мимо.
 Не отдал я долги – забирать не хочет.
 Расплатиться, видно, необходимо.



Не берёт смерть иначе. Имеет право.
Расплачусь я с Васькой, собакой, честно.
Вась, приди ненадолго!

Рукой костлявой
По поганой морде твоей я тресну!

* * *

Горько стало. Всюду ложь!
Никому поэт не нужен.
И схватил я острый нож...
И порезал хлеб на ужин.

Снова горько – сам не свой.
Сердце ни во что не верит.
В реку надо – с головой!
На другой поплыл я берег.

Третий раз кляню на дню
Жизнь свою – проходит даром.
Пусть сгорит... Иду к огню –
Прикурить хочу сигару.

Вам, вода, огонь и сталь,
Не забрать из тела душу –
Только горе да печаль
Жизнь мою до дна иссушат.

* * *

Мой лучший друг лежал в гробу.
Как мне ему помочь?!
Оплакивал его судьбу,
Сидел над ним всю ночь.

Сидел в слезах до света дня –
И ощутил испуг,
Когда над телом простыня
Заколыхалась вдруг.

И я подумал, удивлён:
Мой друг встаёт с одра.
Воскрес! Проснулся утром он!
Давно вставать пора!

И пусть ругается он, чтоб
Узнать, дурак какой

Купил зачем-то тесный гроб
С занозистой доской.

Зато потом расскажет мне,
Какую видел тьму,
Какую видел жизнь во сне.
Его я обниму!

Но всё как прежде. Смущена
Душа, что чуда нет –
Лишь ветер дует от окна...
Один смотрю в рассвет.

Не будет также и меня,
Когда-то я умру.
И оживёт лишь простыня
От ветра поутру.

КОГДА Я БИБЛИЮ ЧИТАЛ...

Только Библию открою,
Вместо ангела со мною
Бес безрогий сядет рядом
И лукавым смотрит взглядом.

Только я Гюго открою
Вместо чёртика со мною
Ангел рядышком садится
И вздыхает над страницей.

Но открыл «Organum Novum»,
Оба вдруг научным словом
Зачитались с интересом –
И пропали ангел с бесом.

*«Organum Novum» – «Новый органон»,
научный трактат Фрэнсиса Бэкона.

БРАТУ

Не шуми, милый брат!
Что за шум?!

Не даёт тебе Бог добрый ум.
Ты же знаешь меня – что ругать?
Помрачением сердца пугать?

Где там гордость? В помине и нет.
 Понимаю, что я не поэт.
 Но со школы меня еще так
 Называли. Душе я не враг,
 И не враг ей мой искренний слог.
 Никому не помог больше Бог
 Песни складывать в нашем краю.
 Сочиняю я их и пою.
 До великих идей не дорос,
 Но тогда для чего я всерьёз
 Правлю свой черновик? И душой
 Маюсь, если поэт небольшой?
 Дела нет настоящего? Что ж,
 Думал я, что меня ты поймёшь –
 Разве в чем-то старик виноват,
 Машинально бросающий взгляд
 Миловидной девице вослед.
 Так и я, поневоле поэт,
 Лишь смотрю, как уходят года –
 И пишу. Плох ли пахарь, когда
 Свяжет сам себе, а не жена,
 Рукавицы. Как путник без сна
 И без отдыха дальше пойдёт?
 Ты за что предьявляешь мне счёт?
 Сам стихами я жизни туман

Разгоняю. И разве лишь хан
 Может ханствовать? Мне вот дано
 Написать, как смотрю я в окно.
 Я – правитель себе. И слова
 Правлю, если болит голова
 От заботы тяжёлой – земной.
 Разве будет мне это виной?
 Напишу если, что на душе
 У меня, хоть и не Беранже.
 И не Бёрнс, и не Гейне. И в спор
 С ними я не вступал до сих пор.
 А с тобой мы всегда обо всём
 Спорим – пьём ли вино за столом,
 Иль за картами. Только поём
 Песню вместе о крае своём,
 Что придумал когда-то народ.
 Вместе лучше – и сердце поёт!
 Вместе лучше, ты знаешь, брат мой, –
 Так живи, не ругайся и пой.
 Может, песни такие любя,
 До поэта уронишь себя.
 Как и я, будешь вирши молоть.
 Да поможет нам в этом Господь!
 Что нам умная жизнь богача?!
 Есть бумага, перо и свеча.

* * *

Вспомнилось вдруг,
 Как в далеком нелёгком году
 В школу иду я – по снегу босой я иду.
 Март, но зима – и на улице сильно метёт,
 Хочется есть мне,
 Наверное, вот уже год.
 Добрые люди, что мне предоставить смогли
 Кров, чтоб латынь изучал от родных я вдали,
 Тоже голодные.
 Младший их сын Алексей
 Сопли глотает привычно, как будто кисель.
 И остаётся молиться о самом простом:
 Боже, Ты милостив –
 С голоду мы не умрём!
 Жизнь сохрани с Алексеем нам этой зимой,
 Вырасти нас и направь
 По дороге прямой!
 Память моя!
 Бесконечная ест меня грусть –

Верою жили, голодными были мы пусть.
Жили светлей мы
В тоске самых длинных ночей.
Так для чего я просил, чтоб росли мы быстрее?!
Так для чего я молил в тот отчаянный час:
Вырастем, Боже, не будет тогда лучше нас.
Память тревожная!
Как это было давно!
Выросли мы – но на сердце сегодня темно.
Ночь подступает к душе, и пишу я в тетрадь:
Я не хочу умирать.
Не хочу умирать.
Точно, как скряга, считающий каждый пятак,
Каждый свой день я считаю и каждый свой шаг.
Весел скупой, что собрал он так много монет,
Я бы все деньги отдал за надежды тех лет –
Той голодающей жизни минуту одну.
Память тревожную вновь, как бумагу, сомну.
В сердце и жизнь
Я еще направляю свой взгляд.
Страх мой и смерть тоже рядом.
Напротив стоят.

Переводы Андрея Попова

